

Трансформации традиционной одежды украинских переселенцев в Приморье (конец XIX — первая треть XX в.)

Ирина Владимировна Стрельцова,

младший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: i-strel@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы трансформаций традиционной одежды украинских переселенцев и их потомков в контексте адаптационных процессов в Приморье в конце XIX — первой трети XX в. На основе материалов музейных этнографических коллекций, а также архивных и полевых источников автор выявляет ключевые тенденции развития традиционного костюма переселенцев. Приводятся природно-географические, социально-экономические и этнокультурные факторы, повлёкшие за собой преобразования в традиционной одежде. Среди компонентов традиционных комплексов одежды украинских переселенцев на первом этапе отмечены локальные варианты нательной, поясной и нагрудной одежды: сорочка, плахта, керсетка, фартук, свитка, очипок, а в более позднее время — распространение разновидностей одежды городского типа (кофта и юбка — в женском костюме, пиджак и брюки — в мужском). Показаны преобразования в материале, крае, технологиях пошива и орнаментации, способах ношения народной одежды. Анализируются особенности функционирования традиционной одежды переселенцев в условиях адаптации к новой природной и этнокультурной среде, в том числе заимствования элементов охотничьей одежды у коренных народов Приморья. Исследуются вопросы соотношения статичности и динамичности различных видов одежды, касающиеся степени сохранности и трансформаций традиционной культуры в регионе позднего освоения. В качестве сравнительного материала привлекаются данные сибирских исследователей по традиционной одежде украинских переселенцев в Сибири.
Ключевые слова: Приморье, украинцы, традиционный костюм, трансформация, адаптация.

Transformations of Traditional Clothing of Ukrainian Migrants in the Primorye Region (the End of the 19th Century — the First Third of the 20th Century).

Irina Strel'tsova, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: i-strel@mail.ru.

The paper reviews the problems of transformations of traditional costume of Ukrainian migrants in the context of adaptation processes in the Primorye

Region from the end of the 19th century to the first third of the 20th century. Basing on museum ethnographic collections as well as archival and field sources, the author identifies the main trends in the development of the traditional costume of migrants. It is shown that natural geographical, socio-economic and ethno-cultural factors led to the changes in traditional clothing. At the beginning, traditional costume of Ukrainian migrants was presented by local variants of clothing including shirts, waist and chest clothing, overcoats, headgear. Later, new types of urban clothes appeared such as a blouse and a skirt in women's clothing, jacket and trousers in men's clothing. The changes in material, cut, ornamentation as well as the way of wearing the traditional clothes are shown. The author analyses the features of functioning of traditional clothing of migrants during their adaptation to the new natural and ethno-cultural environment, including borrowing the elements of hunting clothes from the indigenous peoples of the Primorye Region. The author examines the correlation between statics and dynamics of different types of traditional clothing that concerns the problems of preservation and transformation of traditional culture in the region of later development. The data of Siberian researchers on the traditional clothing of Ukrainian settlers in Siberia are used as a comparative study material.

Keywords: Primorye region, Ukrainians, traditional costume, transformation, adaptation.

Проблема трансформаций традиционно-бытовой культуры в регионах позднего освоения является актуальным направлением в современных этнологических исследованиях. Изучением адаптационных аспектов этнической культуры украинских переселенцев на юге Дальнего Востока и в Сибири занимались такие учёные, как Ю.В. Аргудяева [1], Л.Е. Фетисова [12], Е.Ф. Фурсова [13], М.А. Жигунова [7]. Следует также отметить коллективную монографию, в которой рассматривается трансформация различных граней семейно-бытовой культуры украинского населения Западной Сибири [6]. Одной из малоисследованных тем в данной области является проблема изучения традиционного костюма украинских переселенцев в Приморье.

Целью настоящей статьи является анализ трансформаций традиционной одежды украинцев Приморья. Для изучения видоизменений традиционного костюма на территории поздней колонизации в качестве источников были привлечены данные архивных, полевых и музейных материалов, что позволило решить ряд задач, а именно: рассмотреть механизмы трансформаций народной одежды украинских переселенцев в Приморье; проанализировать содержание и направленность трансформационных процессов; выявить степень статичности и динамичности отдельных компонентов костюма, показать их этнорегиональные особенности в указанный период времени.

В истории заселения Приморского края особое место принадлежит выходцам из Украины, которые активно осваивали юг Дальнего Востока

в конце XIX — начале XX в. Наибольшее число переселенцев из юго-западных губерний России составляли уроженцы Черниговской, Полтавской и Киевской губерний; в меньшей степени — выходцы из Харьковской, Волынской, Каменец-Подольской, Екатеринославско-Таврической губерний [1, с. 33]. Будучи представителями различных историко-географических регионов, переселенцы привнесли на территорию Приморского края многочисленные образцы народно-бытовой культуры, в том числе локальные варианты комплексов традиционной одежды. Поскольку в Приморье расселились в основном выходцы из Левобережной Украины, особое распространение здесь получили разновидности костюмных комплексов, характерных для Среднего Поднепровья, в состав которых входила нательная одежда (*сорочка*), поясная одежда (*плахта*, юбка (*спидница*); фартук (*хвартух*) — в женском костюме; штаны (*порты*) — в мужском), нагрудная женская одежда — безрукавка (*керсетка*), верхняя одежда (*юпка*, *свитка*). Комплекс дополнялся поясом, обувью, головными уборами.

В первой трети XX в. в традиционном костюме украинских переселенцев в Приморье происходили изменения, которые явились следствием трансформации всей системы традиционной культуры в указанный период. По мнению исследователей, её перестройка была обусловлена рядом факторов, среди которых уровень социально-экономического развития, конкретная историческая обстановка и природная среда [3, с. 169].

Трансформации различных аспектов традиционно-бытовой культуры происходили на фоне адаптационных процессов в условиях новых мест. Одним из необходимых показателей успешной адаптации мигрантов является приспособление к местным природно-климатическим особенностям. С позиций этнической экологии адаптация к природной среде является важным фактором в традиционных системах жизнеобеспечения этнических групп [8, с. 21]. Заселяя юг Дальнего Востока, переселенцы столкнулись с новыми для них природными условиями, иным ландшафтом, климатом. Первоначально украинцы старались выбирать места, наиболее схожие по рельефу с родными, — в первую очередь степные зоны Приханкайской низменности. Для переселенцев второй волны удобных мест для обустройства жилья, ведения привычных форм хозяйствования практически не оставалось, в результате чего люди были вынуждены селиться вблизи р. Уссури, Иман, Даубихе, Улахе, а также осваивать лесные массивы дальневосточной тайги. При этом хозяйственное освоение территорий зачастую осуществлялось хищническими способами. Используя залежную систему земледелия в первые десятилетия колонизации, переселенцы постоянно приспособливали новые участки под пашенные угодья, выжигая огромные лесные территории. Сказывалась и психологическая несовместимость выходцев из степных районов с окружающим ландшафтом. На это обратил внимание ещё В.К. Арсеньев, писавший об особенностях этнической психологии переселенцев: «Степняки-украинцы не выносят леса и уничтожают его не столько топором, сколько огнём, но в то же время они любят, чтобы около их хат росло несколько больших деревьев, точно так, как это было у них на родине» [2, с. 5]. Некоторые крестьянские промыслы также

наносили ощутимый ущерб тайге. О расточительном использовании леса переселенцами писали дальневосточные газеты в начале XX в.: «... громадную листовицу валят ради куска коры для дубления кож...»; «с маньчжурского ореха сдирают две-три ленты коры для копеечных лаптей, после чего дерево засыхает» (цит. по: [10, с. 233]).

В процессе адаптации переселенцы были вынуждены приспособляться и к новым климатическим условиям, в значительной степени отличавшимся от привычных и в конечном счёте сказавшимся на прежних способах хозяйствования, которые со временем пришлось подстраивать к местной природной среде. Изменения коснулись не только хозяйственной деятельности, но и многих сфер народно-бытовой культуры, в том числе традиционной одежды.

Украинские переселенцы долгое время, в некоторых сёлах вплоть до 1930-х гг., носили одежду из домотканого полотна, изготовленного из льна, конопли и овечьей шерсти. При этом чаще использовали коноплю, нежели лён, что отчасти было обусловлено местными особенностями климата. Так, в архивных документах ДВО РАН приводится информация о том, что в с. Марьяновка Кировского района, расположенного в верховьях р. Уссури, материалом для изготовления повседневной одежды крестьян служило преимущественно конопляное, реже льняное полотно домашнего изготовления, поскольку лён давал в этой местности плохие урожаи [Арх. ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 138]. Кроме того, согласно наблюдениям Е.Ф. Фурсовой, описывавшей одежду украинских переселенцев в Сибири, на Полтавщине и Черниговщине традиционно больше сеяли коноплю, что нашло отражение в предпочтении одежды из конопляных полотен выходцев из этих районов [13, с. 15]. Способы обработки волокна в целом совпадали с привнесёнными из мест выхода, хотя имелись и свои особенности, выработанные в процессе адаптации к новым природно-климатическим условиям. После уборки коноплю обычно вымачивали 10–15 дней в стоячей воде на озере или в речной протоке, а лён выстилали на стерне, где он мог оставаться около месяца в зависимости от количества дождей. Характерной особенностью обработки льна во влажном приморском климате было и вымачивание его «на росах» [1, с. 82]. После этого волокна сушили в банях, мяли на мялках, трепали трепалом и чесали на больших гребнях с помощью маленьких гребёнок. Подготовленное волокно обычно пряли на самопрялке, которую украинцы называли *прядка*. Полученные нити сучили, сновали и использовали для ткачества на ручных станках (*кроснах*), которые устанавливали в доме на зиму. Готовое полотно неоднократно вымачивали на речке и расстилали на лугу выгорать на солнце до тех пор, пока оно не становилось белым и мягким. Выбеленное полотно называлось *бель*. Из него шили нательное бельё (мужские и женские рубашки). Более грубое полотно использовали для пошива мужских штанов (*портов*). Некоторые информанты отмечали, что из льна делали только рубашки, а штаны или кальсоны мужчинам шили из конопли [Личн. архив И.В. Стрельцовой; зап. от В.В. Соболя, 1911 г.р., с. Золотая Долина Партизанского района Приморского края, 1993 г.].

Традиционные женские сорочки отличались от мужских большой длиной (до щиколоток), кроем, характером декора. Большинство украинских сорочек конца XIX — начала XX в., хранящихся в музейных собраниях Приморского края, имеют поликовый крой с плечевыми вставками (*уставками*), пришитыми по утку. Их могли шить как из цельного полотна (*сущельными*), так и составными (*с пидточкой*). Домотканые рубахи шились вручную из трёх полотнищ ткани шириной около 45 см, украшались вышивкой красными и чёрными хлопчатобумажными нитями (*заполочью*), мережкой, сборками. Декор, как правило, располагался на поликах, рукавах, манжетах, вороте и подоле. Региональные и локальные различия проявлялись в крое, композиционном строе орнамента, приёмах оформления. Так, для полтавских сорочек была характерна сквозная вышивка — «вырезывание», выполнявшаяся белыми нитками по разрежённой структуре полотна. Черниговские рубашки отличались декоративной расшивкой, оформляющей место соединения полика и рукава. Однако такие сорочки не часто встречались на территории Приморья. В мужских праздничных рубашках вышивкой украшали ворот, манишку и манжеты (*обшлага*). В начале XX в. их чаще шили из фабричной белой ткани (перкаль, коленкор).

По воспоминаниям сельских жителей, раньше держали много овец. Из нарядённой овечьей шерсти выделяли домашнее сукно белого и коричневого цвета, из которого шили свиты, пиджаки. Непряденую шерсть использовали для производства валенок (*катанок*). Шерстяные нитки применяли для изготовления поясов, вязания шалей, носков. Вместе с тем природные факторы (отсутствие удобных пастбищ, различные болезни и эпидемии, приводившие к массовой гибели скота) во многом стали причиной слабого развития овцеводства, что впоследствии повлекло за собой отказ от привычной верхней одежды, сваленной из овечьей шерсти (свиток) [Арх. ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 139—140]. Приспосабливаясь к новым природным условиям, переселенцы зачастую использовали местные растения для производства одежды и обуви. Так, для плетения лаптей помимо упомянутой коры маньчжурского ореха применяли также лыко липы, ивы. Кора лиственницы и дуба использовалась для дубления кож, последнюю также применяли для окрашивания ткани в коричневый цвет.

Наряду с адаптацией к природной среде не менее важным фактором представляется социокультурная адаптация переселенцев. Особенно это касается локальных переселенческих групп, которые зачастую вынуждены приспособливаться не только к новым географическим, социальным, хозяйственным условиям, но и к иному этнокультурному окружению. Понятие «социальной адаптации» обычно характеризует взаимодействие личности или коллектива с социальной средой. В современных исследованиях, посвящённых данной проблеме, особое внимание уделяется также «регулятивной функции культуры» [12, с. 3]. Говоря о «культурной адаптации», необходимо учитывать, что её, как правило, связывают с приспособлением к новому культурно-бытовому пространству, этническим традициям, особенностям материальной и духовной культуры. Исследователи отмечают, что «это понятие в полную силу может относиться только к группам людей,

оказавшимся среди населения с иной культурой (язык, религия и т.п.) и желающим приспособиться к жизни в новой среде» [8, с. 22]. Таким образом, очевидно, что культурная адаптация наряду с социальной занимает активную позицию в адаптационных процессах. Одним из важнейших механизмов социокультурной адаптации является «оптимальное сочетание адаптивной и адаптирующей деятельности, варьируемое в зависимости от конкретных ситуаций» [12, с. 3].

Необходимо отметить, что масштабные культурные трансформации в начале XX в. в Приморье проходили в условиях крайне нестабильной политической и социально-экономической обстановки, которые были вызваны целым рядом различных факторов, таких как Русско-японская и Гражданская войны, столыпинская реформа. События Февральской и Октябрьской революций, Первая мировая война и иностранная военная интервенция привели к дестабилизации обстановки в стране в целом и в Дальневосточном регионе в частности. Проблема сохранения этнокультурной идентичности переселенцев в новых исторических условиях была осложнена тем, что классовая сущность оказалась в приоритете по сравнению с национальной. Социально-экономическое развитие региона в 1920—1930-е гг., происходившее на фоне индустриализации, коллективизации, культурной революции, способствовало растворению этнического компонента в обобщённой категории «советского народа» [5, с. 82]. Указанные события не могли не сказаться на функционировании традиционной культуры и её составляющих. Поскольку одежда является одним из её системных компонентов, очевидно, что процессы трансформации, происходившие в традиционном костюме, были обусловлены теми же факторами, о которых говорилось выше.

Особенности социокультурной адаптации украинских переселенцев в Приморье были в первую очередь связаны с явлением «культурного полиморфизма», характерного для регионов поздней колонизации, что обусловило своеобразие этнических процессов в традиционно-бытовой культуре, в том числе в одежде [12, с. 4]. Рассматривая данный феномен, С.А. Арутюнов подчёркивает адаптивное значение не только межэтнического, но и «внутреннего полиморфизма локальных культур» [3, с. 46]. Переселенцы, как правило, селились компактными группами, отличавшимися по национальному, региональному признаку и времени прибытия. Зачастую в пределах одного селения специфические культурные черты наблюдались не только среди представителей разных этнических групп, но и на уровне региональных и локальных групп, у выходцев из различных губерний, уездов и даже сёл. В этом отношении особенно показательна неоднородность культурных традиций уроженцев Черниговской губернии, северные уезды которой отличались смешанным составом населения с преобладанием белорусов. С одной стороны, компактность проживания переселенцев, особенно на первоначальном этапе освоения новых мест, явилась важным фактором аккумуляции традиционной культуры, в том числе народного костюма. С другой стороны, смешанный состав населения, иное этническое и этноконфессиональное окружение способствовали стиранию этнических различий

и постепенной ассимиляции. Все эти процессы в той или иной мере оказывали влияние на изменения в традиционной одежде переселенцев.

Анализируя механизмы трансформации в традиционном костюме украинцев в Приморье в контексте социокультурной адаптации, отметим, что в первую очередь они коснулись тех переселенцев, чьи поселения располагались в Майхинской и Сучанской долинах в непосредственной близости от промышленных и торговых центров, таких как с. Спасское, Черниговка, Сучанский каменноугольный рудник, г. Никольск-Уссурийский и Владивосток, где влияние более развитой социально-экономической сферы было особенно явным.

В конце XIX — начале XX в. крупные торговые компании открывали свои магазины не только в городах (Владивосток, Никольск-Уссурийский), но и в отдельных сёлах. Так, например, в с. Черниговка Черниговской волости имелись крупные универсальные магазины известных на Дальнем Востоке торговых фирм «Кунст и Альберс», «Чурин и К», Скидельского, в которых был достаточно широкий ассортимент мануфактурных, бакалейных, пушных, кожевенных и прочих товаров [14, с. 58]. Помимо них было много китайских торговых лавок, где также можно было приобрести фабричную ткань, фурнитуру и т.п. До 1930-х гг. процветала и меновая торговля между переселенцами и китайцами, когда пушнину меняли на изделия из шёлка, бусы и другие мануфактурные товары [11, с. 57].

Городская мода проникала в сельский быт и вследствие активного отходничества, особенно распространённого среди крестьян-новосёлов, которые в первые годы после переселения отправлялись на заработки на рудники, заводы, обслуживание железной дороги и пароходов, а также нанимались в кучера, дворники и пр. Женщины устраивались в прислуги, няньки [1, с. 81]. Сравнивая одежду старожилов и новосёлов, Ф.Ф. Буссе обращает внимание на то, что первые «вовсе не занимаются пряжей, одеваясь в покупные ткани, несмотря на их дороговизну и непрочность. На вопрос о причине такой поблажки бабам, мужчины отвечают, что при обширном хозяйстве женщинам и без того много работы, что же касается приготовления холста, то эта работа не стоит труда, потому что вся стоимость годового производства покрывается урожаем одной лишней десятины овса» [4, с. 161]. При этом исследователь отмечает, что «пример старожилов увлекает новосёлов, как только они достигают известной степени достатка и теперь в деревнях по линии железной дороги, которая дала крестьянам хороший заработок, начинается уже уменьшение пряжи, а некоторые женщины и вовсе оставили прядильный станок» [4, с. 162].

Таким образом, активное взаимодействие с городом, оживлённая торговля, регулярные ярмарки в крупных сёлах и городах способствовали постепенному внедрению в быт крестьян фабричных тканей, распространению новых фасонов и разновидностей одежды, таких как кофта и юбка в женском костюме, пиджак и брюки — в мужском, а впоследствии — полной замене крестьянского костюма мещанской одеждой. Необходимо отметить, что процесс перехода к одежде городского типа у украинцев был достаточно длительным.

Использование фабричного материала (коленкора, перкаля и т.п.), гораздо более широкого по сравнению с домотканым полотном, повлекло за собой изменения в крое, связанные с уменьшением количества швов и увеличением ширины рукава сорочек. Всё большее распространение получают сорочки на кокетке. Под влиянием городской моды уменьшается длина сорочек и рукавов, исчезают ластовицы, распространяются так называемые галаплечки — рубашки с открытой шеей, а также малароски, или залокотницы, — сорочки с укороченными (чуть ниже локтя) рукавами на кулиске с колоколообразной оборкой. Со временем традиционные сорочки заменяют кофты (блузы) из фабричного материала, прямого или полуприлегающего силуэта, длиной до бёдер, с втачными узкими рукавами. Их подгоняли по фигуре с помощью зашпоров и вытачек, иногда дополняли баской, украшали декоративными швами, складочками, оборками, тесьмой. Пуговицы могли располагаться как спереди, так и сзади (рис. 1).

С распространением сорочек прилегающих фасонов рубашки традиционного кроя постепенно переходят в разряд нижнего белья. Помимо этого,

Рис. 1. Василий Романович Емельянов с женой Ефросиньей Захаровной (справа) и сестрой жены Натальей Хлыст. 1927 г., с. Духовское Спасского района Приморского края. Музей истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева (МПК 17200-2. Ф 42437)

под влиянием городской моды среди нижнего белья у сельских жительниц в начале XX в. появился корсетный лиф. Он представлял собой облегающее изделие до бёдер с выточками-защипами, которое надевали на голое тело или на сорочку, плотно утягивая живот и поддерживая грудь. По свидетельству Е.Ф. Фурсовой, украинские переселенки в Сибири, в отличие от большей части сибирячек, уже в конце XIX — начале XX в. также имели нижнее бельё в виде лифчиков, или «чебреков» [13, с. 16—17].

Архаичная поясная одежда — плахта, использовавшаяся в украинском женском костюме, не получила широкого распространения в Приморье и достаточно быстро вышла из употребления. Этот вид одежды к началу XX в. довольно редко встречался как среди старожилов, так и у новосёллов. Причём такая тенденция на данном этапе была характерна уже в местах выхода. Большинство женщин в указанный период времени носили спидницы — широкие юбки со сборами, заложенными на поясе. Повседневные спидницы шили из холста. Для праздничных юбок использовали фабричный материал (сатин, репс, ситец и т.п.). В качестве отделки применяли атласные ленты, плис.

В мужской одежде, по сравнению с женской, трансформации проявились гораздо раньше. Это в первую очередь было связано с большей мобильностью мужского населения и более тесной связью с городом. Трансформации, происходившие в мужском костюме, повлекли за собой изменения в материале, крае, технологии пошива, способах ношения одежды. Так, в начале XX в. домотканые штаны (*порты*) уступают место брюкам из фабричной ткани. При этом порты продолжают носить, но уже в качестве нижней одежды (кальсон). Рубахи традиционного кроя из домотканого полотна переходят в разряд рабочей одежды, а вышитые сорочки из перкаля или коленкора достаточно долгое время используют в качестве праздничных. Тканый шерстяной пояс в мужском костюме сменяется кожаным ремнём, который носили поверх рубашки, в том числе праздничной, вышитой. Большое распространение получают пиджаки на подкладе, шитые по городской моде. Их заказывали у местных портных или покупали готовые в магазинах. Пиджаки могли простёгивать на вате и носить в холодное время года.

Важным занятием мужского населения в большинстве крестьянских хозяйств была охота. В процессе адаптации к местным климатическим условиям, а также к иноэтнической среде переселенцы в Южно-Уссурийском крае перенимали отдельные компоненты традиционного костюма коренного населения, что нашло отражение в промысловой одежде и обуви. Такие заимствования были характерны в первую очередь для русских старообрядцев, от которых в дальнейшем их восприняли и другие этнические группы восточнославянских переселенцев. Так, от удэгейцев русские переняли охотничью одежду из шкур лося, обувь из рыбьей кожи и др. [9, с. 96].

В первой трети XX в. на фоне всеобщей милитаризации общества в сельской местности получают распространение элементы форменной одежды — гимнастёрки, галифе, шинели, ватники и т.п. Постепенно входят в употребление такие виды городской одежды, как мужские и женские

костюмы, платья, бельё. В верхней одежде помимо пиджаков появляются жакеты, поддёвки, плюшки, телогрейки, пальто.

Традиционные формы одежды зачастую сочетались с городскими элементами. Так, например, достаточно длительное время мужчины носили рубашку традиционного кроя в комплекте с брюками и пиджаком. Замужние женщины первое время под платок надевали чепец, который украинцы называли *очипок*. Позднее женщины отказались от очипка, продолжая покрывать голову платком, зачастую повязывая кашемировый платок поверх ситцевого. Долгое время они использовали в своей одежде фартук, надевая его поверх юбки или платья. В первой трети XX в. будничные фартуки шили из тёмной фабричной ткани. Праздничные фартуки в указанный период времени шили преимущественно из белого колленкора или перкаля, украшали вышивкой красными и чёрными нитками, покупным или вязаным вручную кружевом.

Особенно долго использовались элементы традиционного костюма в свадебной одежде. Так, в качестве головного убора невесты в приморских сёлах продолжительное время носили венки из восковых или бумажных цветов, позже — из разноцветных атласных лент. В коллекции Музея археологии и этнографии ДВФУ имеется свадебный венок, переданный в дар Д.А. Подгорняк, 1911 г.р., во время сборов студенческо-этнографической экспедиции в с. Орехово Дальнереченского района Приморского края в 1983 г. Д.А. Подгорняк приехала в Приморье в 1927 г. из Каменецк-Подольской области. Венок хранила в иконе (под стеклом), которой её благословляли. Традиция сохранять таким образом венок после свадьбы отмечается и среди украинских переселенцев в Западной Сибири [6, с. 206]. По словам Д.А. Подгорняк, надевали его поверх фаты. Такой способ ношения свадебных венков отличался от традиционного и приобрёл популярность в 30-е гг. XX в. под влиянием городской моды. Данный пример наглядно демонстрирует «процесс взаимодействия инновации и традиции», когда в костюме присутствуют смешанные формы (урбанистические и традиционные). Согласно С.А. Арутюнову, такое сочетание определяется закономерностями, обусловленными соотношением престижности городской и традиционной одежды на разных этапах [3, с. 188]. Свадебный венок, украшенный атласными лентами, наряду с вышитой сорочкой, фартуком и керсеткой продолжительное время оставались характерными деталями в костюме невесты, так же как и вышитая рубашка у жениха (рис. 2). Достаточно долго употреблялись и некоторые отличительные атрибуты в костюмах основных участников свадьбы: рушники — в одежде сватов и друзей; нагрудные букетики (*квитки*) из живых, искусственных цветов или лент — в нарядах жениха и невесты. Впоследствии, приблизительно в 30-е гг. XX в., в свадебной одежде сельчан начинают преобладать городские черты: платье в костюме невесты, элементы форменной одежды — в костюме жениха (рис. 3).

Орнаментация одежды также подверглась трансформации. В начале XX в. в связи с расширением книгопечатания и печатной рекламы возрастает

Рис. 2. Николай Федосеевич и Анастасия Федосеевна Лысенко. Начало XX в., с. Спасское Спасского района Приморского края. Спасский краеведческий музей им. Н.И. Береговой (СКМ 1093-15)

количество изданий по вышивке и рукоделию, в которых приводятся узоры с орнаментальными мотивами, представляющими собой поздний эклектический пласт изобразительного искусства, вобравший в себя различные культурные традиции, переработанные профессиональными художниками. Анализ орнаментальных узоров, применявшихся в декорировании традиционного костюма украинцев, свидетельствует об адаптации и художественной трансформации брокаровской вышивки в контексте народной традиции. Вместе с распространением брокаровских узоров популяризируется и техника вышивки «крест», которая постепенно вытесняет старинные виды швов. Распространение вышивки крестом с характерными узорами, с одной стороны, вело к унификации этнической самобытности, размыванию региональных и локальных различий. Символический характер

Рис. 3. Ольга Григорьевна Пикзулина и Матвей Евменович Ярош. 1933 г., с. Спасское Спасского района Приморского края. Музей археологии и этнографии ДВФУ (Ф. № 13. МЭ 490)

старинных орнаментальных мотивов уступал место изобразительному способу передачи информации об окружающем мире. С другой стороны, в процессе адаптации заимствованные узоры располагались в соответствии с устоявшимися региональными композиционными канонами и зачастую соседствовали с традиционными способами декорирования одежды.

Наряду с распространением вышивки крестом происходит упрощение различных технологических приёмов в оформлении одежды. Так, сложные расшивки традиционных соединительных швов заменяются имитирующими их «ложными» швами, более простыми в исполнении. Упрощается и техника изготовления одежды. Ручной труд всё чаще уступает место механизированному, что позволяет применять машинную строчку как для конструктивных (стачивание деталей одежды), так и для декоративных

целей. В последнем случае с помощью швейной машинки застрачиваются декоративные складки на юбках, фартуках и кофтах-блузах, простёгивается верхняя одежда, особенно с ватной прокладкой, а также применяется декоративная машинная строчка, имитирующая машинную вышивку в оформлении керсеток.

Применение новых техник вышивки (прямой и болгарский (двойной) крест) повлекло за собой укрупнение швов и изменения в орнаментально-композиционной схеме, которая также укрупняется и приобретает более свободные формы. С распространением разноцветных ниток монохромная вышивка вытесняется полихромной. К излюбленным цветам (красному, белому и чёрному) всё чаще добавляются зелёный, жёлтый, синий, коричневый.

Модным направлением становится вышивка разноцветным бисером. Зачастую ею украшают праздничные блузы. В качестве примера можно привести сорочку из музея Школы педагогики ДВФУ в г. Уссурийске, сшитую из белого колленкора, на кокетке, свободного силуэта, с прямыми и фигурными застроченными складками по полочке, спинке и рукавам. Многоцветная вышивка бисером в виде букетиков роз расположена на кокетке и рукавах.

Подводя итог, можно заключить, что трансформации, затронувшие традиционную одежду украинских переселенцев в Приморье, происходили на фоне масштабных политических и социально-экономических преобразований в крае и стране и явились закономерным следствием адаптации переселенцев к новой природной и этнокультурной среде. Зафиксировано, что расселившиеся на территории Приморья украинцы долгое время, в отдельных местах до 1930-х гг., придерживались традиционных комплексов в одежде. При этом архаичные виды одежды, такие как плахта, свитка, привезённые из мест выхода, достаточно быстро вышли из употребления, не получив дальнейшего распространения в Приморском крае. Вместе с тем активно использовались отличительные атрибуты праздничной, в том числе свадебной одежды, включая вышитую сорочку, фартук, керсетку, венок, а также такие аксессуары, как рушник, нагрудные букеты (квитки) и т.д. Выявлено, что в процессе адаптации к новым условиям природной среды переселенцы применяли местные растения для производства одежды и обуви, заимствовали некоторые формы традиционного костюма коренных народов. Этнорегиональные особенности одежды украинских переселенцев были отмечены в крое, орнаментации. Распространение фабричных тканей и городской моды в первой половине XX в. повлияло на изменения в традиционном крое, способствовало появлению новых видов одежды. Наблюдались трансформации и в декорировании, в первую очередь связанные с упрощением традиционных технологий орнаментации изделия, заменой ручного труда машинным. Эти и другие изменения, затрагивающие традиционный костюм, так или иначе способствовали постепенному отходу от привычных технологий, стиранию региональных отличий и в конечном счёте полной замене народной одежды костюмом городского типа. Этот процесс был достаточно длительным, неравномерным и напрямую зависел от близости города и мобильности сельских жителей.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX — начало XX вв.). М.: ИЭА РАН, 1993. 261 с.
2. Арсеньев В.К. Население Дальнего Востока как производительный фактор. М.: [б. и.], 1926. 14 с.
3. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.
4. Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883—1893 годах: с картой. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1896. [4], IV, 165, [1], 57 с., [1] л. карт.: табл.
5. Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королёва В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 228 с.
6. Грибанова Н.С., Чернова И.В., Люля Н.В., Свидовская А.С. Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX—XX веке: монография. Барнаул: АлтГПУ, 2017. 306 с.
7. Жигунова М.А. Восточнославянское население в Сибири: этнокультурная история и идентичность // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 3 (9). С. 136—145.
8. Козлов В.И. О некоторых проблемах этнической экологии // Этноэкологические аспекты духовной культуры. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 15—32.
9. Липинская В.А. Историко-экологические особенности традиционной культуры русского населения Сибири и Дальнего Востока // Россия и АТР. 2003. № 4. С. 83—101.
10. Россия и народы Дальнего Востока: исторический опыт межэтнического взаимодействия (XVII—XIX вв.) / отв. Ред. В.А. Тураев. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 364 с.
11. Фёдоров Р.Ю., Богордаева А.А. Историко-этнографические аспекты жизни белорусских крестьян-переселенцев в Приамурье в устных историях // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4. С. 53—60.
12. Фетисова Л.Е., Ермак Г.Г., Сердюк М.Б. Традиционный восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.): адаптационный аспект. Владивосток: Дальнаука, 2004. 192 с.
13. Фурсова Е.Ф., Васеха Л.И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX — первой трети XX века (по материалам Новосибирской области). Новосибирск: Агро-Сибирь, 2004. Ч. 1. 190 с.
14. Шелудько В.О. История Черниговского района (1886—1917 гг.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. 100 с.
15. Арх. ДВО РАН (Арх. Дальневосточного отделения Российской академии наук).
16. Личн. архив И.В. Стрельцовой.

REFERENCES

1. Argudyaeva Yu.V. *Krest'yanskaya sem'ya ukrainitsev v Primor'e (80-e gg. XIX — nachalo XX vv.)* [Peasant Family of Ukrainians in Primorye (the 80s of the 19th Century — the Beginning of the 20th Century)]. Moscow, IEA RAN Publ., 1993, 261 p. (In Russ.)

2. Arsen'ev V.K. *Naselenie Dal'nego Vostoka kak proizvoditel'nyy factor* [The Population of the Far East as a Productive Factor]. Moscow, sine nomine, 1926, 14 p. (In Russ.)
3. Arutyunov S.A. *Narody i kul'tury: razvitie i vzaimodeystvie* [Peoples and Cultures: Development and Interaction]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 247 p. (In Russ.)
4. Busse F.F. *Pereselenie krest'yan morem v Yuzhno-Ussuriyskiy kray v 1883—1893 godakh: s kartoy*. [Resettlement of Peasants by Sea to the South-Ussuri Region in 1883—1893: With a Map]. Saint Petersburg, Tip. t-va "Obshchestvennaya Pol'za" Publ., 1896, [4], IV, 165, [1], 57 p., [1] l. kart.: tabl. (In Russ.)
5. Vashchuk A.S., Chernolutsкая E.N., Koroleva V.A., Dudchenko G.B., Gerasimova L.A. *Etnomigratsionnye protsessy v Primor'e v XX v.* [Ethno-Migration Processes in Primorye in the 20th Century]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 2002, 228 p. (In Russ.)
6. Gribanova N.S., Chernova I.V., Lyulya N.V., Svidovskaya A.S. *Sem'ya i semeynyy byt ukrainskogo sel'skogo naseleniya Zapadnoy Sibiri v kontse XIX—XX veke: monografiya* [Family and Everyday Life of Ukrainian Rural Population of Western Siberia from the End of the 19th Century to the 20th Century]. Barnaul, AltGPU Publ., 2017, 306 p. (In Russ.)
7. Zhigunova M.A. *Vostochnoslavyanskoe naselenie v Sibiri: etnokul'turnaya istoriya i identichnost'* [East Slavic Population in Siberia: Ethno-Cultural History and Identity]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, 2015, no. 3 (9), pp. 136—145. (In Russ.)
8. Kozlov V.I. *O nekotorykh problemakh etnicheskoy ekologii* [On Some Problems of Ethnic Ecology]. *Etnoekologicheskie aspekty dukhovnoy kul'tury* [Ethno-Ecological Aspects of Spiritual Culture]. Moscow, IEA RAN Publ., 2005, pp. 15—32. (In Russ.)
9. Lipinskaya V.A. *Istoriko-ekologicheskie osobennosti traditsionnoy kul'tury russkogo naseleniya Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Historical and Ecological Features of the Traditional Culture of Russian Population of Siberia and the Far East]. *Rossiya i ATR*, 2003, no. 4, pp. 83—101. (In Russ.)
10. *Rossiya i narody Dal'nego Vostoka: istoricheskiy opyt mezhetnicheskogo vzaimodeystviya (XVII—XIX vv.)* [Russia and the Peoples of the Far East: Historical Experience of Interethnic Interaction (the 17th — the 19th Centuries)]. Executive ed. V.A. Turaev. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2017, 364 p. (In Russ.)
11. Fedorov R.Yu., Bogordaeva A.A. *Istoriko-etnograficheskie aspekty zhizni belorusskikh krest'yan-pereselentsev v Priamur'e v ustnykh istoriyakh* [Historical and Ethnographic Aspects of Life of Belarusian Peasants-Migrants in the Amur Region in Oral Stories]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2014, no. 4, pp. 53—60. (In Russ.)
12. Fetisova L.E., Ermak G.G., Serdyuk M.B. *Traditsionnyy vostochnoslavyanskiy fol'klor na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.): adaptatsionnyy aspekt* [Traditional East Slavic Folklore in the South of the Russian Far East (the Second Half of the 19th Century — the Beginning of the 20th Century): Adaptive Aspect]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2004, 192 p. (In Russ.)
13. Fursova E.F., Vasekha L.I. *Ocherki traditsionnoy kul'tury ukrainskikh pereselentsev Sibiri XIX — pervoy treti XX veka (po materialam Novosibirskoy oblasti)* [Essays on the Traditional Culture of Ukrainian Migrants of Siberia from the 19th Century to the First Third of the 20th Century (Based on Materials of the Novosibirsk Region)]. Novosibirsk, Agro-Sibir' Publ., 2004, part 1, 190 p. (In Russ.)
14. Shelud'ko V.O. *Istoriya Chernigovskogo rayona (1886—1917 gg.)* [The History of the Chernigov Region (1886—1917)]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ., 1998, 100 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 29.03.2021